

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ВЕРНИСАЖ

Координаты голоса

В Пермской художественной галерее открылась выставка «Акчим. 60°28'35" с. ш. 58°02'53" в. д.», посвящённая говору исчезнувшего села

Юлия Баталина

Когда диалектологические экспедиции из Пермского университета приезжали в Акчим Красновишерского района, чтобы записать образцы местного говора, они и представить себе не могли, что пройдёт совсем немного лет — и эти записи станут единственным свидетельством существования некогда большого, процветающего села.

Aкчим был основан в XVIII веке и спокойно прожил 200 лет, а на рубеже XX и XXI веков люди ушли оттуда — деревня опустела стремительно. Причина — запрет молевого сплава. Леспромхозы исчезли — исчезли «градообразующие» предприятия, а за ними сёла и деревни.

Картина типичная... А деревня уникальная, поскольку с 1960 по 2003 год здесь регулярно работали диалектологические экспедиции, которые собирали материал для первого и единственного в мире полного словаря лексики одной деревни. Словарь публиковался с 1984 по 2011 год и составил шесть томов. То, что он был не только собран, но и полностью опубликован в столь непростые для фундаментальной науки времена, — настоящее чудо безупречности, проявленной пермскими лингвистами.

Руководитель проекта Франциска Леонтьевна Скитова буквально жизнь ей отдала. Она впервые оказалась в Акчиме в 1959 году, а спустя полвека умерла — на рабочем месте. Пришла с утра в словарный кабинет — специальное подразделение филфака, созданное для работы над Акчимским словарём, — и почувствовала, что ноги не идут. Пришла в фойе и позвала проходивших мимо студентов: «Помогите дойти до кабинета». «Давайте мы вам скорую вызовем!» — предложили ребята, но Франциска Леонтьевна гневно протестовала и продолжала требовать отвести её на рабочее место, даже когда приехали врачи...

Последний том словаря вышел под редакцией её ученицы Людмилы Александровны Грузберг.

Сегодня художник из Санкт-Петербурга Александр Морозов называет собранные лингвистами голоса «призраками исчезнувшей деревни» и говорит, что Акчим — это не столько «где», сколько «когда».

Акчимский словарь опубликован, он стал фактом лексикографической науки, но осталось наследие полувековой работы — около двух миллионов карточек, размещенных в ящичках каталожных тумб, высевающихся в словарном кабинете ПГНИУ. Этот труд не может не поражать. Александра Морозова он поразил, и художник вместе с кураторами Евгенией Сусловой, Яной Цырлиной и Владимиром Бересневым начали собственный труд, который тоже очень впечатляет: они долго и тщательно изучали Акчимский словарь как уникальный артефакт с собственной историей — брали длинные интервью у авторов словаря, прослушивали часы и часы полевых магнитофонных записей, читали лексикографические статьи.

Выставка состоит из трёх тотальных инсталляций: «Фонограммы», «Ак чё мы?» и «Возвращение. Синкопа». Все они — и визуальные, и звуковые. Это блестящий пример осмысленной, глубокой звуковой инсталляции, в которой звук — не просто шум: он значим, нагружен огромными информационными и символическими пластами. Первый звук, который возникает в инсталляции «Фонограммы», — это гудок речного катера. Александр Морозов нашёл его на одной из диалектологических магнитофонных записей — где-то на заднем плане, пропустил через фильеры, очистил и усилил — и получился звуковой образ прошлого, тех лет, когда по Вишере ещё ходил регулярный речной транспорт, в Акчиме работали почта, магазин и даже очень неплохая леспромхозовая столовая, а дети — там были дети! — учились в школе в соседнем селе Мутиха. Один звук — и столько воспоминаний!

После этого надо идти по часовому стрелке (правильный маршрут — важное для восприятия проекта обстоятельство). Каталожные ящички превратятся в элементы звукоизоляционных панелей, а затем — в почтовые ящики, а магнитофонные записи речи носителей акчимского диалекта станут хранящимися в них звуковыми письмами.

Дальше маршрут пролегает через зал нидерландской живописи в три маленьких заалтарных выставочных зала. Чтобы посетители не забывали, про что тут разговор, каталожные ящички сопровож-

Вся инсталляция построена на образе картотеки со словарными статьями. Они превращаются то в музыкальный инструмент, то в почтовые ящики, то, как на фото, в звукоизоляционную панель

дают их тут и там, расставленные среди фламандских картин, как вешки на тропе. Кульминация всей выставки — инсталляция «Ак чё мы?» («Почему мы?») — вопрос, который как бы задают жители деревни учёным.

Хороший вопрос. Ответить на него непросто. Самый очевидный ответ — случайно! Конечно, Акчим обладал качествами, необходимыми для лексикографического проекта, но этими же качествами обладали десятки других ныне сгинувших уральских деревень. Почему не Сыпучи, не Яндор, не Цырда? Случайно... Франциска Леонтьевна Скитова выбрала именно эту деревню по какому-то наитию. Возможно, просто полюбила этот вишерский пейзаж...

«Ак чё мы?» — это большой фанерный ящик-комната, внутри которой по стенам расположены ящички, будто перекочевавшие из каталожных тумбочек, но внутри — не карточки с выписанными словами, а голоса — отрывки из полевых записей диалектологов. Выдвигаешь ящичек — звучит голос. Выдвигаешь сильнее — звучит громче. Так, играя на ящичках, можно сочинить целую голосовую симфонию и услышать её, словно исполненную на голосовом органе.

Вокруг этого небывалого звукового инструмента размещены материалы визуальные, своеобразно иллюстрирующие жизнь Акчима, какой её увидел художник. Кроме прочего, здесь целый атлас черепов промысловых птиц Пермского края, нарисованный темперой на доске, словно икона, — напоминание о том, что в давние времена основой жизни в Акчиме был охотничий промысел, а также о связи русского населения севера Пермского края с соседями-манси и их шаманскими традициями.

Завершает выставку инсталляция «Возвращение. Синкопа» — огромный сияющий ангельский рог, атрибут героя одного из самых популярных сюже-

тов пермской деревянной скульптуры. Звук этого рога, доносящийся из динамиков, «рифмуется» с гудком парохода в начале выставки и как бы закольцовывает экспозицию. Акчим не имеет прямого отношения к пермской деревянной скульптуре, но Александр Морозов совершенно справедливо вводит эту деревню и её язык в круг культурологических понятий, описывающих север Пермского края, его историческую и мифологическую реальность.

Художник-исследователь и кураторы-исследователи работали с Акчимским словарём в русле собственного понимания, собственной мифологии — сами её создали и сами в неё поверили. Человек, незнакомый с реальным Акчимом, после похода на выставку воспримет его как нечто удивительное: деревня, отрезанная от цивилизации и говорящая на собственном, веками складывавшемся языке, — это же прямо сюжет для фантастического романа! На самом деле удивительного в этом ничего нет: таковы были все деревни ещё полвека назад. Нынче же диалекты исчезают, и причиной тому не столько ликвидация деревень, сколько глобальные коммуникации: в деревни приходит всепроникающее городское просторечие.

Пермские диалектологи, десятилетиями выписывавшие слова на карточки и рассортировывавшие их по ящичкам, не подозревали, что создают великий памятник не только конкретному говору, но и сельским диалектам как явлению. Что же касается Акчима... Он всегда в нашем сердце: неземной красоты Вишера, Уральские горы на горизонте, загадочные доисторические рисунки камня Писаного, серые, ненарядные избы. Всё это казалось нам таким будничным, таким обыденным... Как же мы ошибались!

**Печатается в сокращении.
Полная версия — на сайте newsko.ru**

Александр Морозов перевёл «на акчимский» строки Андре Бретона: «Глухари на току... толика страха или кокетливый ток набекрень цвета мирабели?»